

Далекие 60-е годы...

Пьеса Эдварда Радзинского "104 страницы про любовь" в Театре имени Ленинского комсомола в постановке Анатолия Эфроса. Театральная легенда. Молодой драматург принес на сцену исповедальность, искренность, эмоциональность прозы шестидесятых...

Эдвард Радзинский «Мои пьесы в театре всегда умирали раньше их истинной смерти»

Клубные встречи в Большом зале «ВК»

«104 страницы» шли в «Ленкоме» с огромным успехом и были поставлены в двадцати театрах страны и за рубежом. Пьеса была создана балет, опера и кинофильм.

— Это не совсем так. Сценические судьбы моих пьес складывались по-разному: их ставили, запрещали, снова ставили. Спектакль "104 страницы про любовь" в Театре имени Ленинского комсомола был под угрозой запрещения накануне премьеры.

Я смотрел репетиции Эфроса и вспомнил стихи Уайльда: "Мы все убиваем тех, кого любим, кто трус — поцелуем, кто смелый — ножом".

Эфроса сняли с должности главного режиссера Театра имени Ленинского комсомола. Он не умел лавировать, ему было скучно исполнять наш любимый танец: шажок — налево, и два — направо.

А потом мы встретились с ним уже в Театре на Малой Бронной. Для многих он слишком легко согласился на новое назначение — не было борьбы, которой от него ждали.

— Вы вспомнили Ольгу Яковлеву. А любимый актер у вас есть? На Малой Бронной одновременно шли репетиции двух моих пьес: Эфрос репетировал "Продолжение "Дон Жуана", а Дунаев — "Лунина, или Смерть Жака".

...Репетиция "Продолжения "Дон Жуана" Дон Жуан рассказывает Лепорелло о своих забранных похождениях. И вдруг за огромными окнами на улице собралась гроза.

Премьеры "Лунина" и "Продолжения "Дон Жуана" приближались. А надо сказать, что к этому времени Олег Даль не сыграл в театре ни одной главной роли, но существовала легенда о гениальном театральном актере Олге Дале.

Критика отмечала ваш "абсолютный слух" драматурга современной темы. И вдруг на вершине успеха появляются новые герои: декабрист Луин, Сенека, Нерон, Со-

крат. Почему вы обратились к истории?

— Это случилось не "вдруг". Основной урок истории заключается в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков, — эта формула неопровержима. Как мало изменились люди за тысячелетия! Они лишь меняли одежду.

— Но пьесы о людях в старинных одеждах появились у вас именно в семидесятые...

— О людях в современных одеждах говорить становилось все труднее и труднее. Вышестоящих товарищей пугали размышления, трагизм, пугали обобщения.

И тогда я стал думать, про что бы мне написать. Решил — напишу про Сократа. Придумал забавный сюжет: был Сократ очень красивый, и у него была уродливая жена, а потом в истории все перевернулось наоборот.

Если бы сегодня я вновь решил обратиться к этой теме, то написал бы историю о том же: ведь с тех пор ничего не изменилось — наше общество потеряло любовь. Мне было стыдно слышать мнение о нас американской переводчицы.

— И все же отдаете? — И все же отдаю. Тем более что есть немало актеров и несколько режиссеров, которых я люблю. Скажем, я счастливи, что Людмила Гурченко и Александр Ширвиндт сыграли мою пьесу "Поле битвы после победы принадлежит мародерам".

— Вы так многого добились в жизни, вас называют баловнем судьбы...

— Ничего подобного! Все, чего я добился, — чистая случайность, на 99 процентов, нет, я не кокетничаю. Я столько не осуществил из того, что намечал, — почти ничего.

— Один из ваших героев, Сенека, сказал, что нет большей глупости, чем начинать все сначала...

— Сенека был мудр, а я по-прежнему глупо радуюсь всякому началу. Во-первых, у вас всегда есть карт-бланш, во-вторых, вы можете ощущать себя гением в начале пути.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

ные — конец, снимай спектакль! (У нас все как раз наоборот — если газеты пишут, что плохо, на спектакль не поспеть). И вот вышли газеты, где было написано, что это интересная и смелая пьеса, что автор под маской Нерона разоблачает Сталина.

— Новая книга? — Да, это часть большого проекта, который соединяет книгу о Николае Втором как о последнем русском царе и книгу о Сталине как о советском царе.

— И вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль. Мои пьесы в театре всегда умирали раньше их истинной смерти.

— Как говорил отечественный классик, "в России все безнадежно, кроме ее самой"? — Россия возродится тогда, когда устремится в будущее. Путь злости и мести — путь туловищный, разрушающий личность.

— "104 страницы про любовь", "Она в отсутствии любви и смерти", "Я стою у ресторана...", "Приятная женщина с цветком и окнами на север", "Пожилая актриса на роль жены Достоевского"... Многие ваши пьесы о женщине. Вы с явным удовольствием и знанием дела погружаетесь в глубины женской психологии. Почему?

— Писать о женщине — это все равно, что описывать жизнь на других планетах, или, используя космические аналогии, каждая женщина — это космос, безграничный и непознаваемый. Пьеса о женщине — это всегда немного абсурдистская литература — непонятные повороты психологии, алогичные поступки, но писать о мужчине скучно — все так понятно.

— Почему сегодня вы не пишете пьесы о любви? — Свои пьесы о любви я писал в соавторстве с женщиной, я пересказывал ее мысли, расуждения, старался воспроизвести ее поведение, ее поступки, и это меня увлекло.

— В одной из телевизионных передач вы сказали такую фразу: кто не жил в восемнадцатом веке, тот все равно, что не жил...

— Это сказал не я, это сказал Талейран, который был современником Наполеона. И осознавая свое время, грядущее торжество бездуховно-рыночных отношений, он и сказал эту фразу. С печалью...

— Вы счастливы? — Когда я был молод, то был остро несчастен и утешался формулой поэта: "Тот, кто постоянно ясен, тот, по моему, просто глуп".

— Вы так многого добились в жизни, вас называют баловнем судьбы...

— Ничего подобного! Все, чего я добился, — чистая случайность, на 99 процентов, нет, я не кокетничаю. Я столько не осуществил из того, что намечал, — почти ничего.

— Один из ваших героев, Сенека, сказал, что нет большей глупости, чем начинать все сначала...

— Сенека был мудр, а я по-прежнему глупо радуюсь всякому началу. Во-первых, у вас всегда есть карт-бланш, во-вторых, вы можете ощущать себя гением в начале пути.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— И вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

нет с нами... Что же касается того, чтобы самому поставить свои пьесы, то, абстрактно говоря, это был бы наилучший вариант — для пьес. Но говоря реально, я знаю театр — это большой, сложный и плохо отлаженный механизм, театр — это не только репетиции с актерами, но и постановка декораций, света, репетиции со звукоинженером, решение административных вопросов и т.д.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— И вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

— Как вы оставили в стороне пьесы? — Я продолжаю исправно, как и прежде, писать пьесы, как и положено драматургу. Хотя, не скрою, отдавать их в какой-либо театр мне жаль.

Гостя принимала Ольга ГОРКИНА. Фото Виктора АХЛОМОВА и Михаила ГУТЕРМАНА.